

ШТРИХИ К ТЕОЛОГИИ ИСТОРИИ Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО

Ю.В.Балакин

*Омский государственный университет, кафедра истории и теории религии
644077 Омск, пр. Мира, 55-А*

Получена 12 марта 2001 г.

The article dedicate to Merezhkovsky's religious understanding of the historical process, relation of the ancient culture and christian culture.

Д.С. Мережковский - мыслитель, чрезвычайно остро переживающий историю, видящий ее как драму с напряженнейшей фабулой. Эта драма воспринималась им очень обостренно потому, что ее действие никогда не воспринималось автором как "прошедшее в прошедшем", как что-то хоть и любопытное, но внешнее. Д.С. Мережковский никогда и ни в чем не был сторонним наблюдателем, история (не только современная, но и глубоко древняя) разворачивалась для него не где-то вовне, а всегда в его собственной душе. В этом смысле творчество Д.С. Мережковского уникально, ибо нет в русской литературе мыслителя, интеллектуально и эмоционально столь "зависимого" от истории, не исключая и историков-профессионалов, которые так или иначе вынуждаются самой массой исторического материала овладеть ремеслом историка и тем самым определить для себя какие-то внешние, научные критерии в оценке этого материала. Д.С. Мережковскому это не нужно, в нем мощно заявляет о себе критерий не просто субъективный ("вкусовой"), но субъективный в такой высокой степени, что превращается под пером автора в некую абсолютно необходимую закономерность. Критерий строится на личном опыте Д.С. Мережковского, но это не тот опыт, который создается последовательностью интеллектуальных размышлений и эстетических переживаний и которым руководствуется историк-профессионал; это глубочайший личный религиозный опыт. Этот опыт не зависит от исторического материала, ибо не может быть скорректирован иначе, чем самим же религиозным (и очень глубоким) переживанием; все осталь-

ное лишь скользит по поверхности. Историческая концепция Д.С. Мережковского задана, таким образом, не суммой фактов и даже не внешними по отношению к ним спекуляциями (то, что принято называть философией истории), а видением истории через призму незыблемых религиозных концептов. Обращение к истории у Д.С. Мережковского не провоцируется ни познавательными, ни эстетическими, ни этическими импульсами, почему и не будет верным применительно к нему термин "философия истории". Под его пером история раскрывает свой мистический характер, и видение Д.С. Мережковского прошлого может быть названо "теологией истории". Историк-профессионал скажет, что Д.С. Мережковский в оценке исторических событий крайне субъективен, и будет, видимо, прав. Однако сам Д.С. Мережковский мог бы сказать о своих пристрастиях к великим историческим событиям и великим личностям, что они (эти пристрастия) ни в коем случае не зависят от его вкусов и настроений или, тем более, от какой-либо злобы дня. В этом случае какой-либо толерантности Д.С. Мережковский не допускает, ибо не может допустить именно субъективности религиозного опыта. Да, верно, религиозный опыт у каждого особенный, личностный, но источник его не в человеке, а в Боге. Д.С. Мережковский всегда ощущал в себе пророческий дар и не мог не ощущать его именно потому, что всегда помнил об этом мистическом источнике своих переживаний.

На мой читательский вкус, одно из самых художественно сильных мест у Мережковского-романиста - финальная сцена из романа "Смерть богов (Юлиан Отступник)". Судно, на котором

отбывают герои романа в Италию (Арсиноя, Анатолий, историк Аммиан Марцеллин), огибает безмятный остров, мирный уголок Эллады. Герои видят, как на берегу готовится вечерняя жертва Пану, и слышат звук флейты, на которой играет юный пастух. На самом судне вечернюю молитву поют монахи-христиане. Бездонно-высокое небо принимает оба гимна, которые растворяются в бесконечной вышине и замирают одновременно. Замирают и сердца героев от радости и восхищения, от очевидной для них неслучайности в этом слиянии языческого и христианского. Д.С. Мережковский множеством деталей подчеркивает, насколько важно героям романа не потерять красоту эллинского мира, но, и это тоже очевидно, эта красота после пришествия Христа не может не измениться, не может не приобрести отпечаток неземной печали. Арсиноя во время путешествия создает скульптурную заготовку к большой работе, и Анатолий не решается спросить ее: кто это, Дионис или Христос? Аммиан Марцеллин читает в дороге "Строматы" Климента Александрийского, который, по словам Аммиана (и с ним вполне согласен Д.С. Мережковский), примиряет две мудрости - языческую и христианскую. На вопрос: "кто ты - христианин или эллин?", Аммиан отвечает просто: "не знаю". Д.С. Мережковскому важна как раз эта "простота" ответа, в ней он видит не беспечность и безразличие своего героя, а, если хотите, глубочайшую духовную стратегию. Аммиан, хотя в романе фигура и эпизодическая, - человек с глубочайшим духовным опытом. По мысли Д.С. Мережковского, этот опыт оказывается глубже и яснее всего совокупного опыта эпохи, в которой творил этот историк и о которой он писал. С позиции церкви это мысль еретическая, и в дальнейшем сам Д.С. Мережковский отказался от идеи равнозначности "двух правд" (языческой и христианской) [1]. Но сейчас нам важно подчеркнуть следующее: Д.С. Мережковский вообще не допускает возможности увидеть "правду" вне личного опыта, вне мистического проникновения в собственные переживания. "Правда" не может быть дана человеку извне, не может быть навязана никаким государственным насилием, никаким внешним авторитетом. Человек сам, через свои страдания, обнаруживает истину в собственной душе. Результат осмысления этого глубоко интимного переживания может быть ценнее и "правдивее" совокупности идей, имеющих хождение в той или иной общественной среде.

Д.С. Мережковский, со всем своим опытом обращения к истории, не рассуждает о какой-либо "правде" вообще. Он избегает рассуждений о догматах и доктринах и, уж тем более, о за-

кономерностях истории. Ему это просто неинтересно. Интерес к истории у Д.С. Мережковского выражается постольку, поскольку история позволяет увидеть те внешние обстоятельства, которые вызывают страдания и скорбь личности и заставляют ее искать в себе эту высшую правду. Сама же личность, по Д.С. Мережковскому, стоит если не вне времени и над временем, то все же немного в стороне. Исторический процесс не только не способен сформировать личность, но не способен вообще проникнуть в ее мистические глубины. История определяет внешние обстоятельства, но сам феномен личности имеет все же потусторонний относительно времени и пространства характер. "Вечные спутники" (сборник работ Д.С. Мережковского) - название совершенно неслучайное. Эти титаны, эти исполины духа - посланцы вечности. В книге о Наполеоне одна из глав называется "Человек из Атлантиды" (это - о самом Наполеоне). Д.С. Мережковский не может и не хочет признать людей подобного масштаба обычными, хотя и высоко вознесенными людьми. Его "теология истории" создавалась в размышлениях о сокровенно-мистическом характере выдающихся личностей, о тайнах их миссии. Это и есть таинственное дыхание вечности, вторгающееся в эмпирическое время. Д.С. Мережковскому время интересно лишь постольку, поскольку оно несет себе элемент вечности. Без "вечных спутников" любая эпоха для Мережковского теряет смысл и оправдание.

Но Д.С. Мережковский не делит людей на "героев" и "толпу". Выдающиеся личности - те, кто умеет и желает найти в себе ту скорбь, которой охвачены герои романа о Юлиане Отступнике. Эта скорбь - тоска о будущей гармонии, о "великом веселии Возрождения".

В XX столетии ученые и философы много размышляли о природе времени. Каких-либо развернутых размышлений по этому вопросу у Д.С. Мережковского мы не найдем, однако тот же фрагмент из романа о Юлиане Отступнике дает интересный материал. В этом эпизоде время спрессовано до чреватой мощным взрывом "критической массы", дано в величайшем напряжении и концентрации. Один за другим встают над горизонтом, вновь погружаются в него острова Эллады, и героям кажется, что "еще не прошли времена Одиссеи". В это прошлое мощно вторгается мир настоящего, но представлен он не героями романа, а поющими монахами. Главные же персонажи этой финальной сцены романа, по мысли Д.С. Мережковского, не принадлежат настоящему. Они - те "вечные спутники", в чьих сердцах живет и мелодия пастушеской флейты, и христианский гимн, поэтому они - над временем с его неизбежной односторонностью.

В XX веке, как известно, имели очень сильное влияние те или иные синхронические концепции культуры, в которых акцент ставился на неизменяемые, "вечные" культуuroобразующие элементы. Таковы, в частности, теории К.Г.Юнга и (позже) М.Элиаде. Д.С. Мережковский не выразил конкретного отношения к "глубинной психологии" Юнга, а может быть, и не был с нею знаком. Однако сам принцип такого подхода к культуре Д.С. Мережковский мог бы принять и в своем творчестве принимал, хотя выражение его видел в гораздо более широком аспекте.

Архетипы Юнга, "миф о вечном возвращении" Элиаде обращены к коллективному бессознательному; именно в нем они находят постоянно возобновляемые в истории духовные ситуации. Эти ситуации оказываются по сути своей безличными, и если они связываются с какими-либо персонажами, то связь эта в значительной степени случайна. Д.С. Мережковский не мог принять идею о пассивности личности даже в минимальной степени. Ему важна была человеческая скорбь, подобная той, что переживали герои упомянутой финальной сцены романа. Без этой скорби об уходящей Элладе не может в сердцах героев возникнуть великое веселие возрождения, следовательно, не может возникнуть и само возрождение. Без этой скорби нет истории.

Поэтому, мог бы сказать Мережковский, у Юнга и Элиаде слишком мало истории не потому, что они ставят акценты на неизменяющихся элементах культуры, а потому, что они не видят в этих элементах подлинно мистической, т.е. интимно-личностной основы.

[1] Мережковский Д.С. Собрание сочинений. Т. 1. М., 1914. С. 6.